

Сичкарева Зоя Яковлевна / 1937 г.р.

«Война глазами детей»

«Война, война. Плохая тетка, стерва она» -
с болью за её чудовищные последствия поёт
Николай Расторгуев с группой «Любэ».

Навечно в памяти детей, роковых 40-х то грозное время, когда настужь распахнулись ворота Великой Отечественной от Балтийского до Черного моря. 4 года - 1418 дней и ночей – 34 тыс. часов подвига великого народа в той великой войне.

Не обошла война и наш Волоконовский район. Семь месяцев топтал нашу землю кованый немецкий сапог. 10 тысяч отцов и сыновей нашего района ушли защищать Родину. Семь тысяч из них сложили свои головы, шагнув в бессмертие.

Мне и моим сверстникам детям войны пришлось встретиться с врагом, видеть их живьем. А было это так: 1942 год, уже больше года в нашей великой стране бесчинствует злостный, вероломный враг – фашистская германия. Но мы узнаём обо всем только по сводкам Информбюро.

И вдруг жарким июньским днем 1942 года Волоконовка содрогнулась от страшного грохота канонады и рёва немецких «мессершмидтов» (в пер.с нем. нож – резать). Старшими братьями я была подхвачена на руки и опущена в погреб. Мне шел 6-й год. Тогда-то слово «война» повергло в страх, в тревогу. Улица с городским названием «Проспект» стала заполняться, наводящими ужас, прищельцами в касках и черной свастикой. Они рыскали по дворам, пугая матерей требованиями «Матка, яйко, млеко», стогняли с насестов кур, доили коз и коров. И тут же вселялись в наши дома, занимая большие комнаты. Воздушное пространство заполнилось чуждой нам командной, лающей речью. Из дома в дом нельзя было выйти и войти.

Наше семейство маму и троих детей (четвертого, только окончившего 9 классов, забрали в действующую армию) сгрудили в спальне. Я выбегаю из спальни. Посередине кухни стоит огромный грузный немец в новой шинели с погонами, ест с аппетитом галеты. Я стою в надежде, что дядя огромный протянет хотя бы одну и мне. Вот он берет последнюю, и отправляет себе в рот. Я в гневе: «Тьфу! И не подавился!». И тут ариец взъяренный: «Что? Что?» Подоспевшая мама схватила меня на руки и в спальню, а офицеру пояснила: «Пан, дочка поперхнулась, ей комар залетел!»

По утрам семь незваных гостей уходили на свои задания, вечером пили шнапс, русскую водку, а потом под губные гармошки пели и голыми плясали. Звали маму на смотрины и всё добивались похвалы. Мама, стыдась, смущалась, отворачивалась. Среди не прошеных квартирантов был одни мадьяр. Приходил с заданий, усаживался у

порога на корточки и гладил меня, плакал, а маме жестами показывал, что дома в Венгрии у него четверо мал- мала- меньше, что он не хотел воевать.

В памяти навечно остались страшные воспоминания о том, как на ж/д станции остановился целый эшелон с боеприпасами. Немцы начали обстреливать с воздуха. И досталось тогда лиха трем улицам: ж/дорожной (Первогвардейской), Турксибу (Горького) и Проспекту. Дворы были до основания разрушены. Дома смотрели разбитыми глазницами окон.

Детей спасали милосердные жители улиц Низовая и Глушец (60 лет Октября). До глубокой старости храню образ гостеприимной бабушки Аришечки Алейниковой с улицы 60 лет Октября. Её дочь Таисия Петровна, мед сестричка ушла на фронт, и бабушка всю сувою материнскую любовь и заботу дарила нам, чужим трем детям.

Нельзя забыть страшные эпизоды жизни детей в ту страшную годину. Жаркое солнечное утро. Над моей улицей рев фашистских стервятников. Поднимаю глаза: с неба сверкая на солнце, сыплются какие-то предметы. Скоро они устилают фундаменты соседнего дома, падают у нас за погребом. Вой самолетов, я бегу за подвал, а там море красивых игрушек! Набираю ведро, сажусь на крыльцо. В игрушках красивых пружинки на тыльной стороне, а спереди милые мордашки. Хочется снять пружинку и заглянуть, что там в спинке? И в это время надо мной громкий голос брага: «Брось, кинь!» Спасибо случаю – я спасена. Это был запал. Выхожу, а на улице - крик, стон, плачь, слезы, кровь. Оля Колесникова – подружка, разрядила запал: на сухожилии висит палец, вся рука окровавлена, 2 осколка в плече и над бровью. Разрывом снаряда оторвало ноги красивому чернявому Павлику Коноваленко. Остался в живых, работал сапожником в артели инвалидов.

Дети войны – страдальцы, лишенные детства, перенесшие страх, голод, нищету, болезни, порожденные войной, а потом труд невероятный наравне со взрослыми. Моя старшая сестра Аня и её родственницы, двоюродные Рая и Оля, трудились в госпитале, который располагался в теперешнем пансионате.

Когда драпали немцы в 43 году, по нашей улице, далее по Крейде (Пушкина) к сосне, то стремились стащить из дворов всё, что им годилось, у нас – папины калоши, шапку и шарфы, и детский возок (так называлась коляска).

Немцы ушли и сразу стали поступать раненые из ближних и дальних боёв. И вот эти девушки принимали их прямо с платформы. Они перевязывали раны, приносили стирать окровавленные повязки, бинты. Их привлекали на рытье окопов.

Мама была членом правления колхоза им. Кирова, мы с братом помогали ей: носили в госпиталь еду для раненых, мама в ведрах на огромных коромыслах, Борис - одно ведро, а я - котелок.

Пропустила такой эпизод из военного времени: когда немцы захватили Волоконовку, они творили свои бесчинства, всё громили, при сопротивлении приставляли пистолет, принимали строптивых жителей за партизан, за конторой колхоза им. Крупской они устроили лагерь военнопленных. Мы, дети улицы

Первогвардейской и Проспекта, помогали матерям, насмотрелись на страдания пленных. Участь этих узников, как могли, старались облегчить: Перепелица Александра Петровна, Перепелица Фекла Яковлевна, моя мама Дарья Алексеевна Пьяникина. Мы с братом Борисом ухитрились просунуть за колючую проволоку миску с пищей, а в зной сосуд с водой. С риском для жизни тетя Клава Лавренко выручила из плена молодого солдата, вымолила у немцев, якобы опознав в нём своего сына.

Война осиротила миллионы детей, загнала в своё горнило родителей. Сколько сирот скиталось по белу свету! В Волоконовку из далеких мест попал такой мальчик-сирота.

Мама привела его в правление колхоза и предложила содержать мальчишку в семьях, кто сколько сможет по времени. Мальчика назвали Степаном. В нашей семье он жил до призыва в армию. Уходил в армию маленький мальчишка, а в отпуск приезжал высокий, стройный, красавец. Мы хотели оставить его у себя, но после армии он отыскал свою маму.

Не вернулся с войны мамин сын- соколик, мой брат Володя, старшенький, надежный помощник, оставивший след: отличник учёбы, вожак школьных друзей, которого они за успехи в учебе называли Володя Лобачевский, художник. 8 сентября он погиб в бою под Полтавой. Какой истинный патриот земли русской покоится в вечной усыпальнице Украинской земли! Какие строки горячей любви хранят его письма - треугольники к отчому дому, дорогой маме и Родине: «...Мамочка, мы разобьем фашистов, я обязательно вернусь, и заживём мы спокойно и счастливо...» Но страшной была битва «...мой лучший друг, мой дорогой боевой товарищ получил тяжелое ранение в грудь, я получил ранение в руку, но продолжался бой, я хотел, но не мог подбежать на помощь. А утром побежал. Вова лежал уже почерневший...» такой горькой была последняя весточка о моем брате Володе его боевого друга. Навечно вошли в бессмертие и Володины друзья: Шагайда Николай, Сучалкин Володя, Герасименко Боря, Пьяникин Леонид.

9 мая 1945 года пришла благословенная победная весна, пришла на нашу землю, на нашу многострадальную улицу. Оставшиеся в живых, битые, раненые, контуженные вернулись фронтовики домой: контуженный Гриша Реуков, без ноги Саша Коноваленко, без глаза Толя Герасименко. Но живые! Собрались у двора два брата Герасименко и все живые, взяли гитару и запели песни Победы:

«Гитару возьми, струну подтяни, солдатскую песню запой!», «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех» Солдаты пели, утирали слезы матери...

В день памяти и скорби мы приехали на Аллею Славы и перечитывая фамилии погибших на Стене Плача, склоняя голову, молчим и светло грустим, душой прикасаемся к подвигу земляков и моего брата Пьяникина Владимира Яковлевича.

И еще некоторые воспоминания. В 1944 году я пошла в первый класс. Портфель-полотняная сумка с кармашком на боку для чернильницы- невыливайки, (чернильницу я храню по сей день). С учительницей Евгенией Дмитриевной мы, первоклассники Азаровской школы, нарезали из росшей на берегу Оскола лозы палочки для ручек,

примотали нитками перья «рондо» и стали учиться письму, чистописанию. Какие чудесные подчерки были у большинства моих сверстников!

Зимы в то время были настоящие русские суровые, снежные и морозные до 40 градусов. А мы оборвыши, сидим в классе, постукиваем нога об ногу, что бы хоть как-то согреться. С наступлением холодов мы ходили с учительницей в сосну, собирали, сбитые ветром и стужей ветки, сосновые иголки для школьных печек, они были в каждом классе. А осенью давали нам ученикам с Проспекта и Низовой (60 лет Октября) задание собирать сухой бурьян с огромного луга между нашими улицами, особенно в бобовых ямах.

Нас отправляли на сбор колосков. Зерновой хлеб был роскошью. В основном питались лепешками, изготовленными из отсевов с травой. Жидким варевом была «лемешка» и «баланда» (вода, заправленная отсевом из муки и зерен)

Когда мы ходили собирать колоски для своей семьи, нас гоняли объездчики. Догнав, хлестали кнутами и отнимали сумки.

Еще такое задание было у нас, уже четвероклассников и старше – собирать удобрения для колхозных полей. Нам определяли улицы, и мы вычищали из курятников и хлевов навоз и на саночках или повозочках сдавали его.

На всю жизнь мне запомнился день голодного 46-го года. Неимоверная жара, на земле трещины - надо перепрыгивать, такие широкие - можно в них завалиться. В желудке пусто, голод сосет. И сейчас явственно представляю, как мне хотелось найти на дороге что-нибудь съестное. Какой же радостью была найденная высушенная вишневая косточка. Я употребило ядрышко, и утешала себя, что в желудке есть чему вариться.

А утром к нашему палисаднику подползла опухшая от голода Люба Лазаренко. Это страшное зрелище: вместо лица – студенистая водянка. На нашей улице от голода опухли дети в семье Андриенко. Сверстники, что бы хоть как-то помочь, приносили, кто что мог. Мама ежедневно отливала кружку молока для младенца соседки. И Любу мы отпоили от голода, хотя корова давала очень мало молока, тле. не было кормов, от жары были выжжены пастбища.